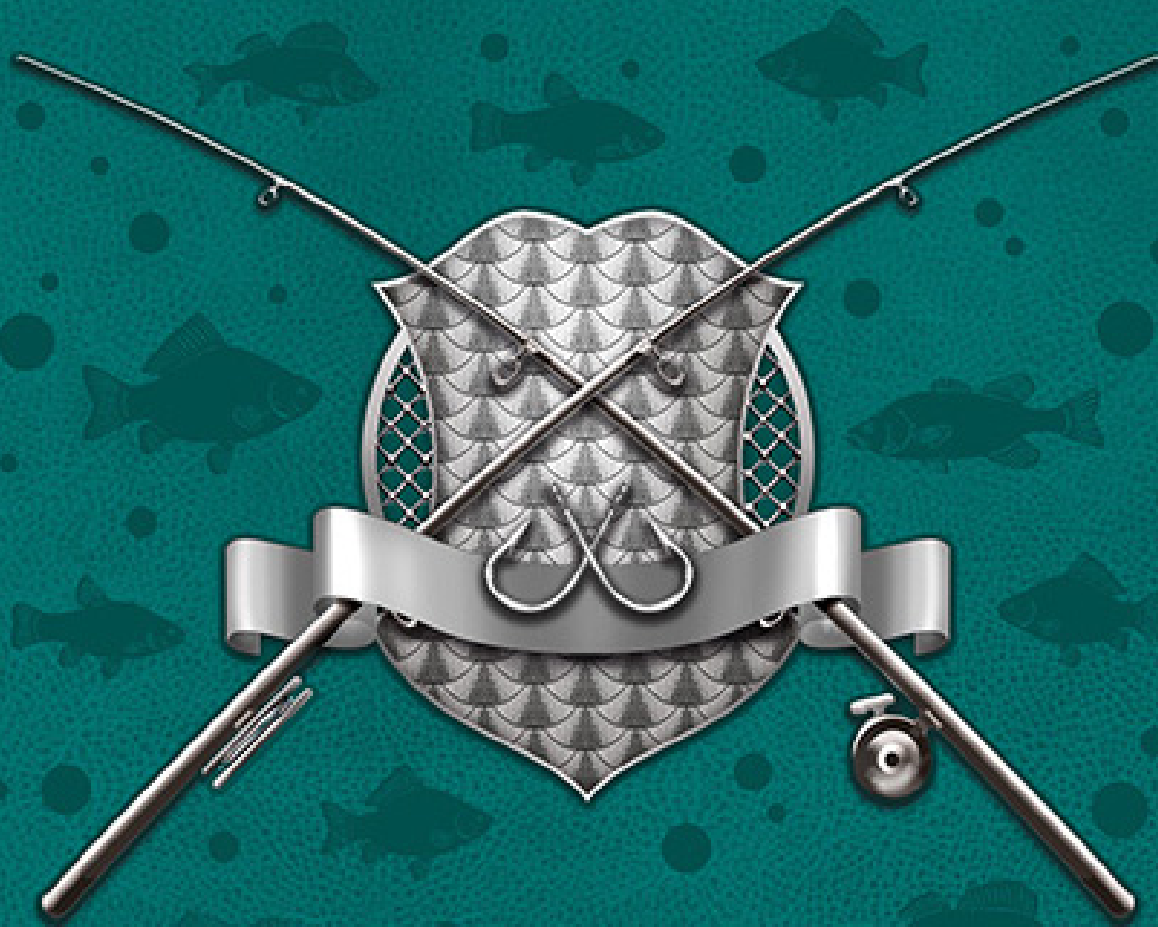

РЫБАЖКА

FOLIO

ББК 47.2
С12

Художники-оформители *О. Н. Иванова, Л. П. Вировец*

Сабанеев Л. П.
С12 Рыбалка /Л. П. Сабанеев; худож.-оформители О. Н. Иванова, Л. П. Вировец. — Харьков: Фолио, 2014. — 295 с.: ил.
ISBN 978-966-03-6612-1

В книгу вошли фрагменты из работ классика русской рыболовно-охотничьей литературы, основателя научно-популярного журнала «Природа и охота» Леонида Павловича Сабанеева, а также цитаты из произведений выдающихся писателей и поэтов, имеющие отношение к самой рыбалке и связанным с нею моментам. Издание богато иллюстрировано — пейзажами, натюрмортами с рыбацкими трофеями.

ББК 47.2

ISBN 978-966-03-6612-1

© О. Н. Иванова, художественное оформление переплета, 2014
© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2014

Содержание

Происхождение удочки	8
Леса	8
Наплавок	11
Грузило	11
Крючок	12
Блесна	16
О выборе места рыбалки	17
Об уменьше удить	27
Окунь	44
Судак	53
Ерш	60
Налим	72
Форель	76
Щука	92
Карп	112
Карась	126
Линь	138
Пескарь	150
Лещ	158
Плотва	178
Красноперка	186
Голавль	190
Чехонь	206
Лошок	210
Вьюн	212
Жерех, или Шереспер	216
Сом	220
Язь	232
Белуга	236
Севрюга	240
Русский осетр	242
Стерлядь	248
Густера	254
Снеток	258
Уклейка	262
Елец	264
Рыболовный календарь	267

Любой человек, если он проведёт хотя бы один день с удочкой на реке или озере, если он вволю надъшится ароматом цветов, услышит пересвист птиц, и курлыканье журавлей, увидит в тёмной воде бронзовый или серебристый блеск крупной рыбы, если он, наконец, почувствует её упругий бег на тончайшей звенящей леске, будет потом долго вспоминать этот день как один из самых счастливых дней в своей жизни.

К. Г. Паустовский

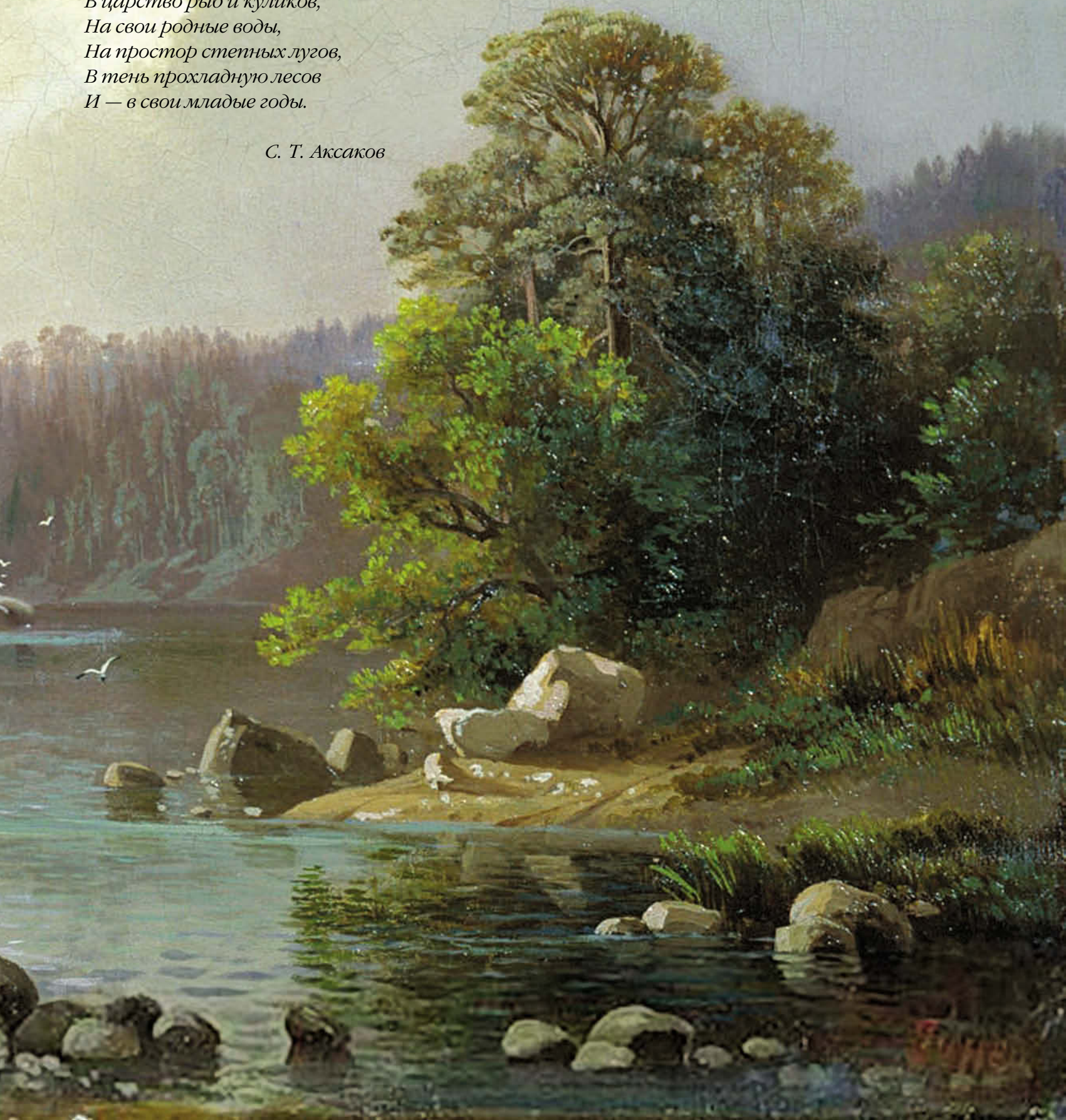
Уженье, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом. Русская пословица говорит глубоко и верно, что охота пуще неволи. Но едва ли на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презрением нападают, как на тихое, невинное уженье. Один называет его охотою празднолюбцев и лентяев; другой — забавою стариков и детей; третий — занятием слабоумных. Самый снисходительный из судей пожимает плечами и с сожалением говорит: «Я понимаю охоту с ружьем, с борзыми собаками — там много движения, ловкости, там есть какая-то жизнь, что-то деятельное, даже воинственное. О страсти к картам я уже не говорю; но удить рыбу —

признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договаривает, что это просто глупо. Так говорят не только люди, которые, по несчастию, родились и выросли безвыездно в городе под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не жилали в деревне, никогда не слыхивали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах; нет, так говорят сами охотники — только до других родов охоты. Последних я решительно не понимаю. Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетями и удочкой за рыбою — все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою.

*Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, —
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И — в свои молодые годы.*

С. Т. Аксаков

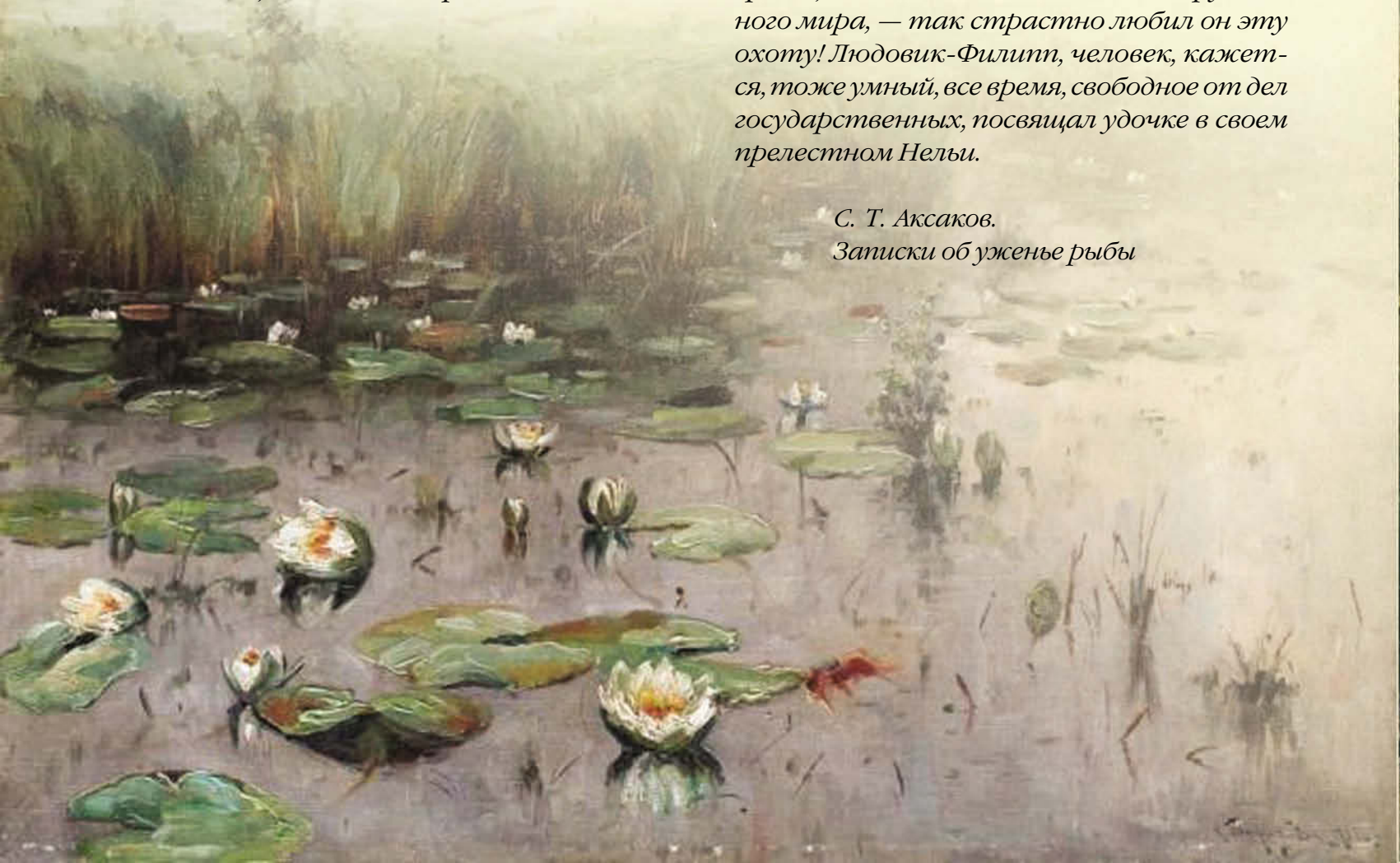

На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу, рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...

Остается защитить охотников до уженья в том, что будто оно составляет занятие слабоумных, или, попросту сказать, дураков. Но, боже мой, где же их нет? За какие дела они не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, чтобы все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами с ними, были так же глупы. Против нелепости такого обвинения можно назвать несколько славных исторических людей, которых мудрено заподозрить в глупости и которые были страстными охотниками удить рыбку. Известно, что наш знаменитый полководец Румянцева предан был этой охоте до страсти; известен также и его ответ, с притворным смирением сказанный, на один важный дипломатический вопрос: это дело не нашего ума; наше дело рыбку удить да городки пленить. Славный Моро, поспешая с берегов Миссисипи на помощь Европе, восставшей против своего победителя, не мог проехать мимо уженья трески, не посвятив ему нескольких часов, драгоценных для ожидавшего его вооруженного мира, — так страстно любил он эту охоту! Людовик-Филипп, человек, кажется, тоже умный, все время, свободное от дел государственных, посвящал удочке в своем прелестном Нельи.

С. Т. Аксаков.

Записки об уженье рыбы

Происхождение удочки

Вероятно, из всех родов рыболовных снастей одна из первых была изобретена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегам реки или моря для добывания себе скудной пищи или беспечно отдыхая под тенью крутого берега и растущих на нем деревьев, заметил стаю рыб, плавающих около берегов; видел, как голодные рыбы жадно хватают падающих на поверхность вод разных насекомых и древесные листья, и, может быть, сам бросал их в воду, сначала забавляясь только быстрыми движениями рыб. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы в насекомые спрятать что-нибудь, похожее на крючок (из кости или крепкого дерева), и привязать его на нитку, выделанную из звериных жил или волокон растений, и что если рыба схватит и проглотит такую насадку, то крючок зацепит и рыбу можно будет вытащить на берег. Так, вероятно, родилась удочка; почти такова она и теперь в деревнях у крестьянских мальчишек: загнутый крючком гвоздь без шляпки, крючок из проволоки или булавки, привязанный на нитку, с камешком вместо грузила и палочкою сухого дерева или камыша вместо насадка... ведь это почти удочка дикаря. Впрочем, даже и у нас, в настоящем своем развитии, у самых взыскательных охотников удочка строго сохранила все первоначальные основные свои качества.

Леса

Лесою называется нитка, одним концом привязанная к удилице, а другим к крючку. По большей части она свивается из волос конского хвоста; но есть леса шелковые, нитяные и приготовленные из какого-то индийского растения, прозрачностью совершенно похожего на белый конский волос. Все эти роды лес имеют

свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первые и по прочности и по удобству доставания свежих конских волос; нетрудно найти искусника свить, или ссучить из них лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплесть: плетеная леса прочнее, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше уметь это делать самому. Леса шелковые и нитяные в России не приготавливаются на продажу; они получа-

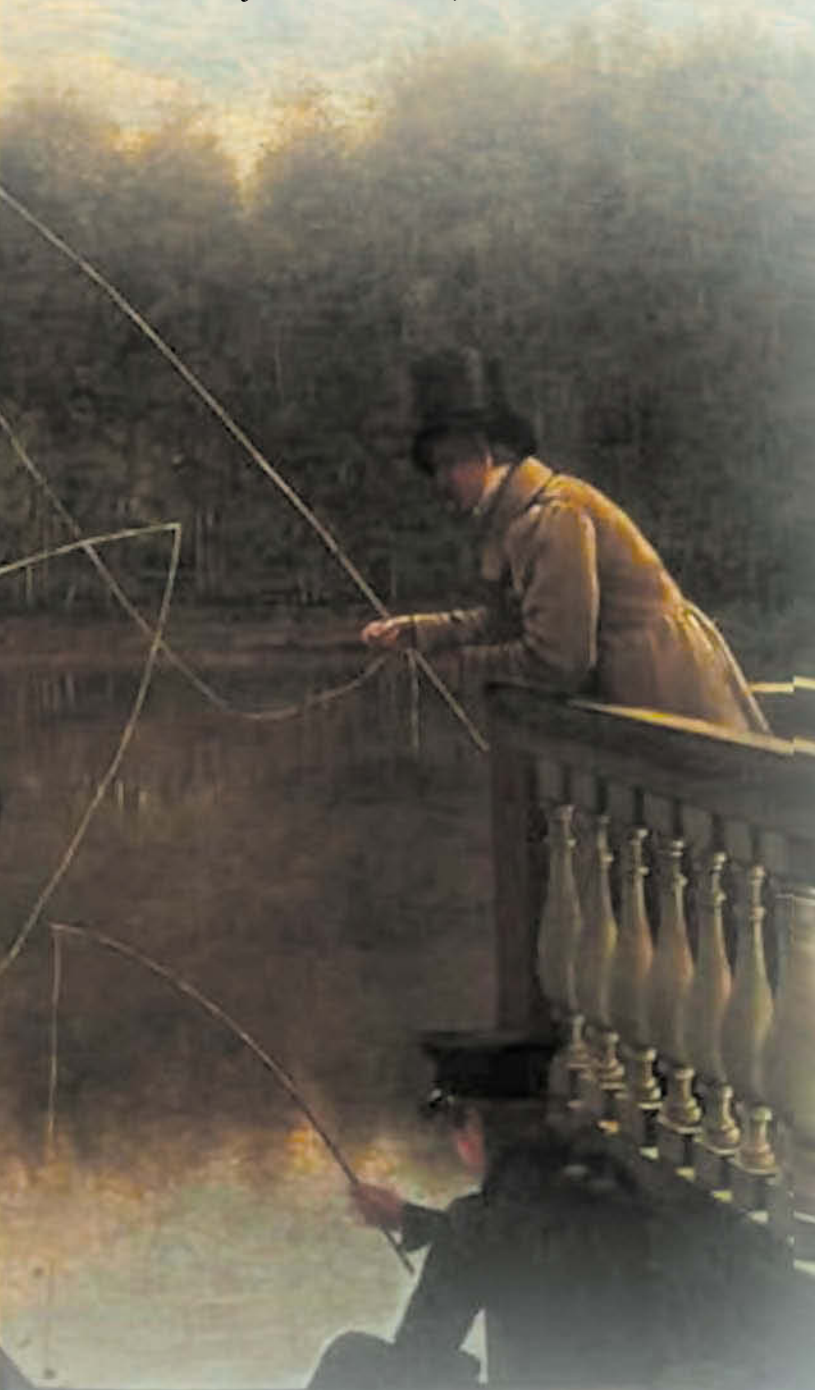

ются из Англии и Австрии; с крючком, наплавком и грузилом они продаются в магазинах не менее двух рублей пятидесяти копеек ассигнациями — цена слишком высокая. Можно готовить их дома; всякая женщина умеет ссучить на руках или на маленьких колесах, на которых спускают тонкие бечевки, несколько шелковинок или ниток (всего лучше конопляных) какой угодно толщины и длины. Выгода

таких лес состоит в том, что они, будучи без узлов и не имея упругости, извиваются по движению воды, разнообразят и представляют натуральным, как будто шевелящимся, вид насаженного червяка или чего-нибудь другого; когда же насадка и конец шелковой зеленой леси лежат на дне, то она совершенно походит на волокна длинного водяного моха, называемого водяным шелком.

...Обратимся к лесам из конских волос. Получаемые из-за границы очень хороши, но зато и очень дороги и не довольно разнообразны в своей толщине. Покупаемые в русских лавках обыкновенно ссучены неровно и часто из старых, уже не так прочных волос, что, впрочем, можно узнать по желтоватому цвету. Итак, всего лучше готовить их дома.

Надобно выдернуть волосы из хвоста белой лошади; выбрать самые длинные, ровные, белые и прозрачные и ссучить или вить из них леси какой угодно толщины: от двух, четырех, шести и до двадцати волос. Можно вить и ссучить леси цельные или с коленицами. Цельные, без сомнения, лучше, но для приготовления их надобно гораздо более уменья. Леси с коленицами делаются очень просто. Берутся, например, шесть конских волос одинаковой длины, выравниваются в толщине, завязываются на конце обыкновенным узлом, разделяются по ровну и ссучаются или вьются (как кто лучше умеет) до самого конца волос; потом опять завязывается обыкновенный узел: это называется коленицем. Коленицы связываются между собой уже двойным рыбацким узлом, затягиваются как можно крепче, коротенькие кончики подстригаются довольно плотно, и вот вам готова леси какой угодно длины. Объяснить на словах свиванье цельной леси довольно трудно; но раз увидевши, как это делается, перенять легко. Тут волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются один за другим: как скоро приходит к концу один

волос, то другой впускается на его место, а кончики обоих обстригаются так плотно, что после даже неприметно, где волосы оканчивались и где вставлялись. Сделанные таким образом лесы, по окончании каждого уженья и в продолжение зимы сохраняемые в сухом месте, если не будут изорваны насильственно, могут служить года три и более, хотя бы весной, летом и осенью удили на них каждый день. Не нужно распространяться, как важна для охотника крепость лесы, которая преимущественно зависит от ее ровности. Лесы, плетенные из волос, как обыкновенно заплетаются девичьи косы, особенно хороши. Они гораздо прочнее сученых и витых лес и никогда не путаются.

Наплавок

Наплавком называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная, палочка (впрочем, фигура наплавка — дело произвольное, я видал наплавки, очень искусно вырезанные из осокоря, представляющие рыбу, птицу и даже человека; но вообще наплавок бывает в середине толще) длиною и толщиной в палец, из легкого дерева, или древесной коры осокоря, или из пробки, привязываемая к лесе в каком угодно расстоянии от крючка. Величина наплавка должна зависеть от толщины лесы, тяжести грузила, величины крючка и удилица. Если наплавков мал — он тонет, если велик — не встает на глубине, а это иногда бывает нужно. Наплавков имеет два назначения: первое, чтобы крючок с насадкой плавал в таком расстоянии от дна, какое нужно рыбаку, или лежал на дне, смотря по надобности, и второе, еще важнейшее, чтобы он показывал своим движением всякое прикосновение рыбы к насаженному крючку и, наконец, время, когда надобно подсечь (то есть дернуть удилицем лесу) и вытащить на берег свою добычу. Следовательно, всякое легкое, плавающее на воде вещество

может служить наплавком. Наплавки приготовляются различным образом: 1) Они вырезаются или вытачиваются из коры осокоря, которая имеет прекрасный темно-красный цвет, очень легка и не намокает в воде. По-моему, это самые лучшие наплавки. 2) Можно их делать из всякого сухого дерева: на один обостренный конец маленькой палочки, в палец толщиной по средине, плотно надевается нижняя половина гусиного пера, а в другой, обостренный же, втыкается маленькая, из проволоки сделанная петелька для продевания лесы, другой конец которой (то есть лесы) продевается сквозь колечко, вырезанное из пера и надеваемое на перьяной конец наплавка (колечко должно быть несколько шире пера). 3) Вместо дерева можно употреблять пробку: пропускают сквозь нее тоненькую деревянную палочку и потом обделывают точно так же, как наплавки второго разряда. Есть еще наплавки, получаемые из-за границы, сделанные из одного гусиного толстого пера и устроенные точно так же, как сейчас описанные мною наплавки; но они пригодны только для удочки наплавной, без грузила, ибо слишком легки; притом толстый конец пера, в котором утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучом или особенною смолою; если вода как-нибудь туда проникнет, то наполнит пустоту пера, и наплавок будет тонуть; притом они не видки на воде.

Грузило

Грузилом называется кусочек металла, почти всегда свинца (ибо он тяжел и мягок), прикрепляемого к лесе, в недалеком расстоянии от крючка для его погружения в воду. Грузила бывают разной тяжести, смотря по величине всей удочки и текущей или стоячей воде. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки; для средней — одной, двух или трех крупных дробин, а для самой огромной употребляют небольшую

пулю. Прикрепление грузила из свинца делается следующим образом: берется кусочек свинца такой величины, какой надобно, разбивается в длинную узенькую пластинку и наворачивается на лесу или поводок; а чтобы грузило не передвигалось, то легким ударом молотка бока его сжимаются. Дробины прикрепляются еще проще: возьмут дробину или пулю, разрежут ее до половины ножом, вложат в это отверстие лесу и потом краешки сколотят.

Крючок

Без сомнения, это важнейшая часть удочки: весь успех ужения зависит от доброты крючка. Лучшие крючки — английские. Величина их различна и разделяется на двенадцать номеров.

При выборе их надобно наблюдать следующее: 1) Крючок должен быть хорошо закален: недокаленный будет разгибаться, а перекаленный — ломаться. 2) Сгиб крючка должен быть кругловат, не слишком глубокий и не мелкий, широкий, к острому концу немного погнут набок. Жало должно быть остро, длинно, смотреть в сторону. Выгода первых двух качеств не требует пояснения, но выгоду последнего — для чего конец крючка должен быть погнут немного вбок — можно узнать только из опыта. Если вы будете удить на две одинаковые по величине и устройству удочки, из которых у одной жало крючка смотрит на сторону, а у другой прямо по спинке крючка, то увидите, что на вторую удочку будет втрое более промахов, чем на первую. Без сомнения, причина состоит в том, что при подсечке крючок с жалом прямым удобнее выдергивается изо рта ры-

бы, не задев за которую-нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто отделяться и крепко держаться в рассечке, ибо она не допускает крючок выскользнуть назад изо рта подсеченной рыбы. 4) Крючок не должен быть толст. Толстый крючок неудобен, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряет на нем свой натуральный вид и сейчас умирает, и особенно потому, что крючок тонкий скорее пронзит губу. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мешает живости насадки, которая обыкновенно сбивается книзу и верхняя часть спинки остается ничем не закрытою. Это рыбу пугает, но сверх того, если она и возьмет насадку в рот, что почти всегда делается на ходу (кроме ужения со дна), то сейчас почувствует твердую, не закрытую спинку крючка и проворно выплюнет (выкинет назад) насадку. 6) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не

остры, для того чтобы завязка поводка или волосяной леси не обрезывалась и держалась крепко: это последнее условие очень важно. Завязка часто подрезывается внутри неприметно для глаза, хотя бы заботливый рыбак всякий день осматривал свои удочки; дело идет хорошо, покуда берет небольшая рыба, но чуть взяла крупная — прощай и крючок, и добыча... Леса взвивается вверх, как будто просто сорвалась рыба, огорченный охотник поспешно достает свежего червя, хочет насадить и вместо крючка видит перерезанный конец поводка или леси, которым была она привязана... Тут последуют заключения: «Рыба была так велика, что поводок не выдержал, откусила щука» и проч., а это вздор! При внимательном рассмотрении окажется, что длина поводка или леси не убавилась, а что она порвалась у самого крючка, в самой завязке.

С. Т. Аксаков.
Записки об ужении рыбы

— А ты всё еще своей ерундой занимаешься! Не отвык еще?

— Кой чёрт... Весь день ловлю, с утра... Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймал ни я, ни эта кикимора. Сидим, сидим и хоть бы один чёрт! Просто хоть караул кричи.

— А ты наплой. Пойдем водку пить!

— Постой... Может быть, что-нибудь да поймаем. Под вечер рыба клюет лучше... Сижу, брат, здесь с самого утра! Такая скущища, что и выразить тебе не могу. Дернул же меня чёрт привыкнуть к этой ловле! Знаю, что чепуха, а сижу! Сижу, как подлец какой-нибудь, как каторжный, и на воду гляжу, как дурак какой-нибудь! На покос надо ехать, а я рыбу ловлю. Вчера в Хапоньеве преосвященный служил, а я не поехал...

Постой... У меня, кажется, клюет...

Грябов вскочил и поднял удилице. Леска натянулась... Грябов дернул еще раз и не вытащил крючка.

— Зацепилась! — сказал он и поморщился. — За камень, должно быть... Чёрт возьми...

На лице у Грябова выразилось страдание. Вздыхая, беспокойно двигаясь и борючись проклятья, он начал дергать за лесу. Дерганье ни к чему не привело. Грябов поблел.

— Экая жалость! В воду лезть надо.

— Да ты брось!

— Нельзя... Под вечер хорошо ловится... Ведь такая комиссия, прости господи! Придется лезть в воду. Придется!

А. П. Чехов.

Дочь Альбиона

Блесна

Ближе всех подходит к обыкновенному ужению блесна. Если хотите — это настоящее ужение, с тою разницею, что рука охотника, в которой он держит лесу блесны, служит вместо удилица; впрочем, я не знаю, почему не употреблять коротенького удилица? Им также ловко будет подергивать и потряхивать насадку. Это происходит следующим образом: на обыкновенную лесу прикрепляется металлическая, блестящая рыбка, у которой сбоку припаян крючок (иногда по крючку с обеих сторон); иногда крючок торчит из рта искусственной рыбки; рыба садится в лодку и, пуская ее вдоль по течению реки, бросает одну или две блесны, на которых искусственные рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватают с размаху плывущих за лодкою искусственных рыбок и попадают на крючки. Эта ловля произво-

дится осенью, когда вода делается чиста. Я никогда не уживал на блесну, но видал, как удят другие. Я встречал страстных охотников до этой ловли, но мне она никогда не нравилась, может быть потому, что я не охотник до ужения с лодки, плывущей по глубоким местам... Надо признаться: я люблю твердую землю, берег, а жидкого пути — боюсь.

Впрочем, можно ловить блесной, или блеснить, как говорят охотники, зимой в прорубях, а осенью с берега на местах глубоких, у самого берега, причем необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтоб искусственная рыбка сколько можно казалась похожею на настоящую. Блеснить с берега и в проруби не так удобно; что же касается до ужения зимой, то в зимнюю стужу у меня пропадает охота удить.

С. Т. Аксаков.

Записки об ужении рыбы

О выборе места рыбалки

Если вы случайно заедете или постоянно живете на такой местности, где на реке есть мельница и пруд — спешите туда: там найдете вы самое разнообразное ужение и приволье в выборе места, о чем я буду говорить ниже. Я должен признаться, что пристрастен к запруженной реке. Вид пруда и мельницы, стук ее снастей, шум падающей воды приводят в тихое и сладкое волнение душу старого рыбака. Чем-то дорогим прошедшим глядят воды и водяные травы, шумят вертящиеся колеса, дрожит мельничный амбар, и пенятся кипящие под ним волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанные прохожими, помольцами и хозяевами, переходы через воду из жердочек — все говорит о чем-то давно знакомом, близком сердцу. Где мельница — там и рыба. Пруд — ее притон и гульбище! Там много всякой пищи, там привольно метать икру и выводиться маленькой рыбешке. Около мельницы во все времена года, во всякую пору дня охотник найдет и достанет рыбу. В раннюю весну, в позднюю осень, в дурную погоду — она держится больше в материке, в верховьях пруда; в теплое время, в летние жары — она гуляет по полям, в травах и камышах; в холодное ненастье — жметя по течению материка к теплой навозной плотине; но особенно любит она держаться в ямах, под спусками вешняка или под водяными колесами. Напрасно низвергающийся поток относит назад стаи мелких рыбок, они сторонкой беспрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищные породы рыб хватают мелюзгу, обессиленную борьбою со стремлением воды. Рыбак вскарабкается на мокрый лежень, на котором тяжело ходит мельничный вал, и под навесом водяных труб, обросших зеленым мохом, под каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своем месте при каждом обороте коле-

са, бросает удочку, насаженную червяком или всего лучше рыбкой, в самую быстрину, в волны и пену — и таскает жадных окуней и небольших щук... Но сказав о мельнице как о выгодном месте в частности, обращаюсь к выбору мест для ужения вообще.

Выбор мест бывает различен не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще несколько мутна, рыба бродит зря, как говорят охотники, и клюет везде на всех глубинах, ибо берега рек еще не определились, не заросли по местам густою осокой, аиром или камышом; еще не поднялись со дна водяные травы, не всплыли лопухи; береговые деревья и кусты не оделись листьями, не покрыли прозрачные воды тенью зеленого навеса, маня рыбу пищею во всякое время и прохладой в полдень.

При раннем весеннем ужении, которое может иногда начинаться в исходе апреля, когда в реках еще много воды и они бегут быстрее обыкновенного, надобно грузило прибавить, чтобы крючок опускался как можно глубже, потому что удить приходится в натяжку, то есть леса стремлением воды будет натягиваться и крючок не будет касаться дна, а это весной необходимо. Рыба жметя обыкновенно ко дну, к берегам, особенно крутым, где течение потише. Места надобно выбирать не мелкие и не слишком глубокие; крючок с насадкой червя навозного или земляного (на хлеб удить на быстриках неудобно) от сильного течения будет прибывать к берегу, и потому должно так класть или втыкать удилице, чтобы насадка только касалась берега и чтоб леса и наплавки не ложились на него; в противном случае они станут при подсечке задевать за берег, а это никуда не годится: рыба, хватая играющую насадку с набега, сейчас встретит упор от задевшей леси или наплавки и сейчас бросит крючок, да и подсечка никогда не может быть верна, ибо рука охотника встретит такое же препятствие, и подсечка не может сообщить мгновенно крючку. Когда вода

еще не совсем слила и не просветлела, трудно достать раков, насекомых еще никаких нет, и потому единственная насадка — черви; но как скоро река войдет в межень и образуются тихие места, то на них всякая нехищная рыба очень охотно станет брать на хлеб.

В реках не запруженных, текущих вольно, собственной массой воды, обыкновенно выбирают для уженья омуты, то есть глубокие места, где вода вдруг теряет свою быстроту, падая в яму; потом, завертывая назад около берега, она встречается с верхнею, текущею струею, борется с нею и, наконец, теряет свое стремление: из этой борьбы образуется тишина; в таких тихих омутах постоянно держится рыба.

Летом надо выбирать глубину умеренную, дно песчаное или хрящеватое (то есть состоящее из мелких камешков), идущее от берега покато и отлого в глубину; на таких местах хорошо удить рано утром и поздно вечером. Еще лучше, если вода аршина на два от берега проросла травой и накрылась ее листьями, как бы зеленым ковром. Тут много выгод для охотника. Тут есть для рыбы и тища и защита от яркого солнца, а главное, тут не видно рыбака, сидящего на берегу, и ловко ему положить свои длинные удилища на травянистую ткань. Глубокие места, обросшие круглыми, как тарелки, зелеными лопухами, представляют те же выгоды. Места, где деревья зелеными ветвями своими наклонились над водою, где

гибкие кусты омывают длинные листья свои в прозрачных струях, тихо ротирующих от их прикосновения, благонадежны для уженья не очень раннего и не очень позднего: ибо в это время рыба, уже поднявшись со дна, ходит на умеренной глубине и очень любит держаться около зелени листьев. Охотники хорошо это знают и на реках и озерах, берега которых совершенно голы, прибегают к хитрости, устраивают искусственную зелень: срубают вершину какого-нибудь молодого дерева (если оно мало, то два и три) или целый куст тальнику, вербы, выбирают удобное для уженья место и кладут их на воду, погрузив до половины и воткнув нижние, заостренные концы в берег. Мелкая рыба не замедлит броситься к зеленым листьям, а за ней придет и крупная. Дни в два рыба привыкнет держаться около кустов, которые впоследствии, когда листья поблекнут, можно перемещать по ночам. Так же поступают и на больших реках, где удят с лодки, привязав к ней связку вершин древесных или куст. Если место не так глубоко, то лодка стоит на приколе, то есть привязанная к длинному колу, воткнутому во дно; если

же глубоко, то лодка держится на веревке с камнем, опущенным на дно.

Осенью для уженья крупной рыбы по утрам и вечерам надобно выбирать самые глубокие места; но около полудня рыба уже не прячется от солнечного зноя, как летом, под траву, кусты, тень нависших берегов и даже тень мостов; напротив, обрадовавшись теплоте солнечных лучей, она стадами выплывает на поверхность воды, хватая падающие на нее увядающие листья и всяких насекомых. Тут надобно удить как можно мельче и предпочтительно на всяких насекомых.

Есть осеннее уженья «нахлыстом», как выражаются рыбаки, которого мне не довелось испытать, но которое, говорят, бывает очень удачно. Оно особенно выгодно и приятно потому, что в это время другими способами уженья трудно добывать хорошую рыбу; оно производится следующим образом: в маленькую рыбацкую лодку садятся двое; плывя по течению реки, один тихо правит веслом, держа лодку в расстоянии двух-трех сажень от берега, другой беспрестанно закидывает и вынимает напла-

ную удочку с длинной лесой, насаженную червяком, кобылкой (если они еще не пропали) или мелкой рыбкой; крючок бросается к берегу, к траве, под кусты и наклонившиеся деревья, где вода тиха и засорена падающими сухими листьями: к ним обыкновенно поднимается всякая рыба, иногда довольно крупная, и хватает насадку на ходу. Вероятно, вместе с сухими листьями падают в воду какие-нибудь насекомые, и потому падение листьев привлекает рыб. Я много раз сам наблюдал, как хватает рыба упавшие листья и уносит вглубь: некоторые листочки всплывают, а другие пропадают; может быть, рыба глотает те из них, которые еще зелены. В тихое время и на тихой воде, в верховьях прудов, где материк стоит наравне с берегами, обросшими лесом, листья застилают воду иногда так густо, что трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючок с насадкой будет лежать на листьях; разумеется, надобно добиться, чтобы крючок опустился и наплавок

встал; удить надобно всячески, то есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда берет очень высоко, под самыми листьями, а иногда со дна. Это ужение имеет одну невыгодную сторону: в листьях трудно разглядеть наплавок; но зато рыба охотно и смело берет под листовым покрывалом, и прозрачность осенней воды в этом случае помогает успешному ужению, ибо рыба издалека видит упавшую в воду насадку, а человека не видит. Берут по большей части окуни, средние головли, язи и крупные ельцы. Впрочем, может взять и всякая рыба. Приятность этого ужения состоит в том, что оно спокойно и что в позднее осеннее время нельзя в других местах выудить никакой порядочной рыбы, кроме хищной; а из-под листьев мне случалось выуживать хороших язей, головлей и очень крупную плотву: последняя брала на хлеб, а первые — на крупных земляных червей.

Во всякое время года выгодны для ужения перекаты (мелкие места реки), устья

впадающих речек и ручьев, ямы, выбитые падением воды под мельничными колесами и вешняками. Перекаты — проходное место рыбы, переплывающей из одного омута в другой, скатывающейся вниз, когда вода идет на убыль, и стремящейся вверх, когда вода прибывает; перекаты всегда быстры, следовательно, удить надобно со дна и с тяжелыми грузилами. Течение воды будет тащить и шевелить насадку на крючке, и проходящая рыба станет хватать ее.

При устьях впадающих речек и ручьев всегда держится мелкая рыбешка, а около нее держатся все породы хищных рыб: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже голвли, которые, несмотря на свою нехищную, по-видимому, породу очень охотно глотают маленьких рыбок. В глубоких ямах, выбиваемых паденьем покой воды под вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Под шумом воды, падающей с мельничных колес, также всегда стоит рыба, хотя и не так крупная.

Из всего этого не следует заключать, что только в местах, мною исчисленных, должна клевать рыба. Где есть вода, там она может плавать, следовательно, и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и нередко клев ее бывает так прихотлив, что приводит в недоумение опытного рыбака.

До сих пор мы говорили о реках. О выборе мест в небольших речках и ручьях, где ловится на удочку форель (пеструшка), кутема и лох, нечего сказать особенного: такие места, то есть небольшие омуточки или ямки, переменяются беспрестанно, и об этом будет сказано в статье об ужении форели. Выбор мест для ужения в проточных прудах, заросших травой и камышами, имеет свои особенности. Ужение в их материке (материком называется русло настоящей реки) есть ужение речное. Тут нет выбора мест, зависящего от положения берегов, ибо вода затопила их и стоит выше земной поверхности на аршин, ино-

гда и более; тут надобно знать положение дна, заметив его при спуске покой воды или, если этот пруд вам незнаком, оцупав дно рыбацким лотом. (Лотом называется маленькая гирия или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурок.) Отлогое дно, идущее от берега в глубину, твердое, не заросшее травой, не имеющее задевов, без сомнения есть самое лучшее место; но здесь ужение производится уже с лодки или с нарочно устроенных для того мостков или плотов. Для ужения в полях, то есть в разливе пруда, проросшего травой и камышами, как это особенно бывает в губерниях черноземных, надобно выбирать местечки поглубже, не заросшие травой или камышом. Летом вся рыба бросается туда, и покой делается единственным и обильнейшим местом для ужения, о чем мы поговорим подробнее в своем месте. В озерах, если берега их обросли травой и кустами, выбор мест для ловли удочкой во многом сходен с выбором мест в реке. В копаном пруде берега и дно везде одинаковы, и потому можно удить где угодно. Впрочем, всегда надобно соображаться с привычками самой рыбы: где она больше держится, там и удить. Опыт — лучший указатель в этом деле.

Места для ужения получают особенные достоинства от прикормки.

С. Т. Аксаков.

Записки об ужении рыбы

